

— А теперь вернёмся в зиму.

Письмо о. Ианнуария от 26 января 1981 г.

— Ленинград.

Дорогой Сашок!

О том, что ты был в Ленинграде, я и в самом деле незадолго до твоего письма узнал от Понявина. Можешь не оправдываться, что не зашёл: я прекрасно знаю, что такое занятость работой. Да и зайдя, мог бы не застать, так как и я ведь тоже довольно занят.

А сейчас ещё эти военные сборы, как и три года назад. Хожу по вечерам на скучные занятия по всё тем же надоевшим станциям, которые мы изучали на военной кафедре. Там много наших физиков, так постаревших.

Что касается сбора курса, на котором мы начинали учиться, то меня это как раз мало касается: я мало кого помню, да никому в голову не приходит и предлагать мне там присутствовать, хотя с организаторами этого вечера встречи я иногда вижу. Четыре года назад собирался курс, который мы кончали. Мне опять же никто не сообщил об этом, я и не был. Да и далеко моё сердце от всего этого.

— В Академии у нас славно. Много молодых преподавателей. О ребятах и девицах, которые у нас учатся, душа не нарадуется. Весенний семестр у нас сложный: значительную часть его занимает Пост, во время которого так трудно учиться и преподавать. К тому же выпадают из расписания 1 неделя Поста, Страстная и Пасхальная недели. На первой и на Страстной занятия отменяются из-за усиленного поста, а на Пасхальной - маленькие каникулы. А после Пасхи сразу сессия. У меня за прошлый семестр не выполнена учебная программа, пришлось подавать в Совет объяснительную записку. Поэтому в этом семестре работы будет ужасно много. А тут ещё надо подготовить доклад к одной конференции, написать заказанную статью о Вл. Соловьёве, подготовить опять же заказанную лекцию о войне 1812 года, дать пару отзывов, успеть съездить на какой-то симпозиум в Прагу и прочесть пару показательных проповедей. В общем, крутиться, как всегда, приходится много. Но больше всего времени и сил отнимают обязанности духовника при храме.

— При всём этом я так и не могу пока выкроить время, чтобы продолжить тебе писать "серьёзные" письма. Тем более, что если уж речь заходит о всяких таких фило-теософских вопросах, то в последние месяцы я так увлёкся гносеологией, что на другие темы пока переключаться мысленно трудно. Подождём лета, там увидим. Сейчас же и ты занят.

Желаю тебе успешного завершения твоей докторской эпопеи, а также здоровья и благополучия всему твоему милому семейству.

Целую, твой Ианнуарий.

— Судя по этому письму, я был в Ленинграде, но не в январе (по дневнику погоды весь январь я бегал по рыбалкам и уезжал лишь на три дня в Москву на защиту Смертина), а скорее всего в декабре. Наверное, сразу как получил письмо от Лариски Зеленковой с предложением Пудовкина. Тогда же, по-видимому, я выступил на семинаре лаборатории Пудовкина, который диссертацию мою к этому времени только полистал, но счёл этого достаточным для того, чтобы выпустить меня на семинар.

— Семинар прошёл гладко. Но Пудовкин посоветовал вместо СибИЗМИРа в качестве ведущей организации обратиться в ПГИ, поскольку от Иркутска уже есть Поляков, а ПГИ - достаточно солидное учреждение, пользующееся авторитетом у кафедры и совета. Я, разумеется, согласился и отправил очередной экземпляр диссертации в ПГИ на имя Брюнелли, а в СибИЗМИР написал Климову, что защищаться буду в Ленинграде, где в качестве головной рекомендуют ПГИ, и прошу теперь только отзыв на автореферат.

— Следующим этапом прохождения моего "дела" в Ленинграде должно было стать моё выступление на заседании кафедры (эквивалентное выступлению на секции в ИЗМИРАНе), то есть предзащита, на которой кафедра решает вопрос о рекомендации моей работы к защите в данном совете. Выступление на кафедре ориентировочно было намечено на февраль, дабы уж к этому сроку Пудовкин диссертацию прочитал. К тому же в феврале предполагалась встреча выпускников физфака конца 1965 года - к 15-летию окончания курса, на котором учились мы с Сашулей, а кончала одна Сашуля - я отстал. Лариска была в числе организаторов встречи и агитировала нас с Сашулей приехать. Сашулю уговаривать не надо было, а я решил совместить это мероприятие с предзащитой.

— В конце января (27-го) - защита Смертина. О ней я уже писал. Добавлю только, что в дупель пьяный Бобарыкин, оказавшийся тут же в гостинице, испортил Смертину всё его праздничное настроение, незвано вламываясь в компанию, чем наконец-то озлил Смертина против себя до остервенения.

— А 1-го февраля - кто бы мог подумать! - состоялась встреча выпускников нашего класса, выпускников 60-го года. Встреча через двадцать с половиной лет!

— 1-го февраля в нашей школе каждый год проходит традиционный вечер встречи выпускников. В последний раз я был на таком вечере году в 1964-м, когда Боря Лукьянец толкал меня к Веточке-Капюшончику, чтобы я пригласил её на танец, я не мог решиться, а когда решился - под конец вечера, то получил гордый отказ, и на том наши отношения прервались навсегда.

— Инициаторами и организаторами встречи стали Танька Павленко и Алла Медведева, жившие по соседству в Калининграде в новых домах на Богдана Хмельницкого и изредка встречавшиеся. Уж не знаю, как они раздобыли адреса всех наших одноклассников, но раздобыли и оповестили всех: встречаемся 1-го февраля у школы, а потом идём в ресторан. С собой иметь 15 р и фотографии прошлых и нынешних лет - свои, детей, жён, мужей.

— На меня девчонки вышли по телефону отца, номер которого им дали в справочном, а отец сообщил им мой адрес и служебный телефон. Так мы с Танькой связались сначала по телефону. Она сообщила мне про идею встречи, что народ откликается уже, что Долгополов (кстати, он доктор каких-то наук) и Чесноков приедут, и они надеются большинство собрать, и Нишушку, конечно, уже пригласили - классную, руководительницу нашу, Нину Ивановну Жук.

— А меня они просят помочь с организацией ужина в ресторане, скооперировавшись для этого со Славой Литвиновым, который тоже здесь в Калининграде живёт и неподалёку от меня, от кирхи то есть, работает - в АтлантНИРО. Собственно, с рестораном они договорились уже, нужно только поучаствовать в составлении меню. Я позвонил Славке, и мы встретились с ним у проходной его института.

— Постарел он, конечно, за двадцать-то лет, усищи носит, но не растолстел, как можно было ожидать. Прогулялись мы с ним до "Снежинки", распили там бутылку сухого. Слава рассказал, что занимается разработкой тралов и иногда ходит в море на их испытания, наблюдает за ними под водой из батискафа. А как-то тралили в Куршском заливе и выловили "Москвич" с четырьмя утопленниками, с зимней рыбалки ещё. Слава женат, ребёнок один, уже здоровый парень. Я рассказал о себе.

— Через несколько дней мы (я и Слава) встретились с Танькой и Аллой у ресторана "Ольштын". Таньку разнесло, такая матрона стала - не узнал бы, встретив просто так на

улице. А голос тот же. Второго ребёнка недавно родила, года нет. Муж в море ходит. А Танька не работает. Алла же совсем не изменилась, получилась даже. Она в школе мне страшненькой казалась - тощая, большепотая. А теперь - такая приятная дама! Возраст, правда, просматривается, но в форме, молодец. Двое детей, мальчик и девочка. Муж тоже, как и Танькин, в море ходит - рефмеханик. И она холодильниками занимается в КБ каком-то.

— Мы составили меню, внесли залог. И разошлись до встречи первого. А 31-го января вечером ко мне домой завалились Долгополов с Чесноковым. Обрадовались мы, конечно, друг другу. Объятия, разглядывания. И Валерка, и Сашка забурели, заматерели, раздались в корпусе, но без животов.

— Я сбегал за бутылкой. Валерка, правда, не пил вовсе, что-то у него со здоровьем, не стал рассказывать, глаз один совсем почти ослеп. Но держится бодряком. А Сашка от водки отказываться не стал. За столом всё я о себе больше рассказывал, о Гостреме, о том, как опять в Калининграде очутился.

— Ребята слушали с удовольствием, а о себе рассказывали мало. Оба после окончания своих вузов сразу приткнулись к местам, где и теперь благополучно пребывают: Валерка - под Москвой, в Черноголовке, в Институте физики твёрдого тела, так, кажется, называется, и мама там с ним, отец умер. Сашка - на Севере, в Ухте - городе нефтяников, начальник какой-то, администратор-бюрократ, как он сам про себя выразился. У обоих по двое детей: у Валерки - сын и дочка, а у Сашки - обе девочки. Вроде бы. Если не путаю.

— Хорошо мы тогда посидели.

— А на следующий день ещё лучше было.

— Первыми к школе парни явились: Валерка, Сашка, Слава и я. Потом Галя Косолапченкова. Всё удивлялась:

— Ой, я думала - одна буду, никто не придёт.

— Потом Галя Лакиза. Потом почему-то задом подкатило такси, и из него выскочили Ирка Джапаридзе с Ниной Драпекко и Танька с Аллой. Тут как раз и Нинушка подошла. Визгу-то было! Смех, слёзы, объятия, поцелуи.

— Было воскресенье. Официальный вечер встречи выпускников был назначен на следующий день - понедельник, а сейчас школа была закрыта. Но Нина Ивановна зашла со двора к уборщице, жившей при школе, взяла у неё ключи и открыла парадную дверь. Мы зажгли везде свет, обошли всю школу, обнаружили себя на фотостенде, посвящённом истории школы, и расположились, наконец, в одном из классов, где сживали двадцать и больше лет назад.

— Собралось нас десять человек из шестнадцати. Не приехали из Таллина Мишка Савловский и Саня Алейников, не откликнулась из Ленинграда Света Минак, Яна Снесаревская прислала телеграмму с Сахалина из города Оха, что её с работы не отпускают, она геолог. Да не явилось двое местных - Валерка Зубов и Маша Кузьмина. Ирка Джапаридзе приехала из Москвы, Драпечка из Таллина, Лакиза - из Апатит. Эти трое, как и Алла Медведева, отлично сохранились, что особенно удивительно было в отношении Лакизы, от которой можно было ожидать, что она расплывётся. А она даже похудела и постройнела, и вообще сделалась элегантнее. Работает учительницей в знакомых мне Апатитах. Ну, а Ирка и Нинка - у тех комплекции легковесные, выглядят по-прежнему стрекотухами. Под стать Таньке только Галя Косолапченкова: дородная тётя такая, в парике. Остальные все стройные. Фамилии, разумеется, у всех девчонок новые. У всех почти по двое детей. Большинство КТИ окончено.

— Все принесли фотографии, я - целый альбом школьных лет, в котором были запечатлены собравшиеся - и в школе, и на воле. Разглядывали фото, вспоминали, ахали, охали, спрашивали, рассказывали, более всего хвастались детьми - у всех красивые, у всех талантливые. А я и сюда прихватил фотоаппарат, фотографировал, без вспышки, полагаясь только на чувствительность плёнки в 130 единиц.



Славка Литвинов, Ира Джапаридзе, Галя Лакиза, Нина Ивановна Жук, Галя Косолапченкова, Сашка Чесноков, Таня Павленко, Нина Драпеко, Алла Медведева, Валерка Долгополов и я на встрече выпускников 1960 года, 1 февраля 1981 г.

— Нина Ивановна всех расспрашивала по очереди, не забывая про родителей. Сама она уже на пенсии, но в школе иногда работает, когда попросят, заменяет заболевших. Постарела, конечно, заметно. Мужа схоронила, разбился в аварии. Его могила недалеко от могилы нашей мамочки. И отца Сашки Чеснокова могила поблизости.

— В школе мы пробыли часа полтора, оттуда на трамвае поехали в "Ольштын", самый фешенебельный ресторан в Калининграде, спроектированный поляками, куда надо заранее покупать билеты, и где нас ожидал заказанный ужин. Накормили нас отлично, даже не успели мы всё доестъ и допить до закрытия, но добру пропасть не дали - всё забрали с собой. Энергичная Татьяна этим руководила. А вот общаться в ресторане невозможно из-за грохота музыки. Правда, поплясали к огромному удовольствию девчонок. И Нина Ивановна танцевала с каждым из нас - мальчишек.

— Из ресторана все пошли провожать Нинушку, и она вынесла нам из дому стопки, чтобы мы смогли культурно допить, что не успели. Собрались было расположиться тут же на лавочке возле её дома, да я сообразил - мы же рядом с кирхой, там гараж мой, какая-никакая крыша, а зима ведь! - и потащил всех туда.

— Мы выкатили мотоцикл из гаража, причём в порыве энтузиазма трахнули крылом коляски по косяку двери. Я пытался его завести, чтобы светить от генератора, но мне это почему-то не удалось и, наверное, к счастью, а то бы ещё катать гостей вздумал. Спиртное и закуску разложили на табуретке, сами расположились вокруг и продолжили гулянье при свете фары, которую пришлось питать от аккумулятора, и он, конечно, к концу нашей пирушки полностью сел, разрядился то есть.

— Расходились в четвёртом часу, провожая друг друга по очереди. Последней я провожал Аллу. Она рассказывала про свою жизнь, как трудно детей воспитывать, особенно сына, когда муж в море. Квартиру вот недавно только получили. Возмущалась несправедливостями жизни нашей, тем, что ложь кругом, - и это было для меня неожиданно, поскольку в классе Алла была самой "сознательной", образцовой комсомолкой, примерной ученицей. От неё я узнал про трагедию Иры Джапаридзе - у неё муж покончил с собой, отравился газом, душевное расстройство, она его очень любила, живёт теперь с детьми у родителей.

— Перед тем как расходиться, договорились на следующий день встретиться опять, заглянуть в школу на вечер, а потом навестить Нинушку на прощание.

— На следующий день собрались опять в школе. Нинка Драпека рассказывала, смеясь, что её родители ужаснулись виду её грязных рук, когда она вернулась ночью с гулянья.

— - Это я мотоцикл из гаража вытаскивала, - объяснила им Нинка, повергнув родителей в ещё большее недоумение.

— Сашка Чесноков привёл с собой брата старшего Владьку, здоровенного мужика (увы, умершего через несколько лет - в 88 или 89 году от инфаркта), тоже кончавшего нашу школу, года за два до нас. Дежурные по школьному вечеру, узнав какого мы года выпуска, таращили на нас глаза как на доисторических животных - экие старики, пришли!

— Никого из старых наших учителей в школе уже не осталось. Зашли в физкультурный зал. В баскетбол у нас все ведь почти играли, покидали немного мячи в корзину. И пошли к Нинушке. Делать нам здесь больше нечего было.

— У Нинушки пили чай с пирожными. Вчерашнего веселья уже не было, погрустнели. Расставались и вовсе со слезами. Нина Ивановна оба эти вечера была очень растрогана. Я и сам не ожидал такого всеобщего прилива сердечности у себя и у всех наших одноклассников. Лакиза прямо рыдала:

— - Мы больше не увидимся, никогда! Никогда!

— Обещали не забывать друг друга.

*(продолжение следует)*

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)